

Обзор дисциплинарной практики за 2021 год по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем

2021 год

1. Адвокату объявлено предупреждение за представление интересов доверителя без заключения соглашения и непредставление документального подтверждения расходования денежных средств, снятых с банковского счета доверителя.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23 июня 2021 года адвокатом М. допущены следующие дисциплинарные нарушения:

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он, не заключив с доверителем Б. в простой письменной форме соглашение об оказании юридической помощи, с 11 января 2020 года по 31 января 2020 года представлял на основании нотариально удостоверенной доверенности, оформленной на него доверителем Б., ее интересы при заключении и исполнении сделки купли-продажи квартиры, расположенной по адресу: ...

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом М. профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он без ее письменного согласия снял с банковского счета Б., на который поступила оплата за проданную ею квартиру, денежные средства в размере 333 000 рублей;

Кроме того, в Заключении от 23 июня 2021 года Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части оценки Б. действий адвоката М., связанных с получением им 31 января 2020 года с банковского счета Б. 333 000 рублей, которые она считает обманом, совершенным с целью завладения ее денежными средствами (мошенничеством)

Адвокат М. в заседании Совета подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, с которым не согласен в той части, что он без согласия Б. снял денежные средства со счета.

На вопросы членов Совета адвокат М. пояснил, что в выданной Б. нотариальной доверенности адвокату М. содержались полномочия: продать принадлежащую ей квартиру в г. Н. за цену и на условиях по своему усмотрению; получить следуемые ей денежные средства, вносить наличные платежи от её имени, распоряжаться счетами, открытыми на её имя, производить оплату, в том числе оплату необходимых комиссий. Б. отлично знала, что при подготовке к продаже квартиры адвокат М. вместе с риелтором А. оплатили часть коммунальных платежей; за услуги риелтора необходимо было уплатить 150 тысяч рублей, также было согласовано оплатить гонорар адвоката М. - 50 тысяч рублей, и еще 50 тысяч рублей - после того, как Б. отказалась ехать в г. Н. и попросила адвоката М. поехать туда и заключить от её имени сделку, ссылаясь на то, что она ехать не может, так как скрывает данную квартиру от мужа. В общей сложности получилась сумма: 150 тысяч риелтору, 100 тысяч адвокату М. и 83 тысячи оплачены за коммунальные услуги. Таким образом, всего 333 тысячи рублей было снято со счета Б. на основании выданной ею нотариальной доверенности.

После того, как 31 января 2020 года денежные средства были сняты со счета, Б. 20 февраля 2020 года сама сняла со счета в банке остальные 723 тысячи рублей, после чего адвокат М. и Б. неоднократно общались, и никаких вопросов о деньгах не было. Отметил, что банк не выдал бы ему денежные средства без указания этого полномочия в доверенности, выданной Б. и удостоверенной нотариусом С., который спрашивал у Б.: действительно ли она доверяет снятие денежных средств со счета, на что Б. дала утвердительный ответ.

Адвокат М. признает, что не заключил соглашение с Б. и не представил ей отчёт об использованных средствах с её счёта. Документальные подтверждения расходов на коммунальные услуги, на риелтора, у адвоката М. также отсутствуют, для их получения ему потребуется ехать в Единый расчетный центр (далее- ЕРЦ) города Н. Есть расписка риелтора, которому переданы 150 тысяч рублей. Пояснил, что Квалификационной комиссии он не представил эти доказательства, потому что риелтор находился в отпуске, и необходимо было время, чтобы ехать в ЕРЦ в г. Н. В его практике это был единственный случай исполнения такого поручения доверителя, он сожалеет о допущенных нарушениях. Фактически выполнено поручение продать квартиру и получить денежные средства со счета, что он и сделал, сняв только ту сумму, которая причиталась в оплату за риелтора, за оплаченные коммунальные услуги и за услуги адвоката.

Заявитель Б. в заседании Совета также подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С Заключением согласна.

Б. на вопросы членов Совета пояснила, что договоренности были лишь о сумме 100 тысяч риелтору, 50 – адвокату. Считает, что адвокат её обманул, и она понесла большие расходы, чем рассчитывала с учётом договорённостей с ним. Выбор меры ответственности адвоката М. оставила на усмотрение

Совета, при этом предложила лишить адвоката статуса, чтобы он больше не мог обманывать людей.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, признаёт фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с её выводами соглашается частично.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокат М. по просьбе Б. принял на себя обязательство оказать ей юридическую помощь при продаже принадлежащей ей на праве собственности квартиры, расположенной по адресу: ..., в том числе: подобрать покупателя на квартиру и принять участие в качестве представителя Б. на основании нотариальной доверенности при совершении и исполнении сделки купли-продажи квартиры, включая открытие банковского счета на имя Б., на который должны были поступить денежные средства, оплаченные покупателем квартиры. При этом, признавая факт снятия им с банковского счета Б. 333 000 рублей, адвокат объяснил свои действия достигнутыми им с доверителем Б. договоренностями о том, что после поступления от покупателя квартиры денежных средств на банковский счет Б., он на основании имеющейся у него доверенности снимет со счета причитающееся ему за оказание юридической помощи вознаграждение, денежные средства для оплаты услуг риелтора и денежные средства, которые были оплачены адвокатом М. из его личных средств в счет погашения задолженности Б. за жилищно-коммунальные услуги, а всего 333 000 рублей.

Не заключив с доверителем Б. соглашение об оказании юридической помощи в простой письменной форме, как это предписано ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат М. приступил к оказанию юридической помощи, в том числе: привлек к оказанию помощи по подысканию покупателя квартиры риелтора А., вместе с которым они посетили ЕРЦ города Н., где оплатили задолженность по коммунальным платежам, числящуюся за Б.

Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признаёт установленным, что адвокат М. не заключил с доверителем соглашение в простой письменной форме и оказывал Б. юридическую помощь на основании нотариальной доверенности и достигнутой устной договоренности, без четкого письменного согласования в соглашении размера вознаграждения адвоката и риелтора; не оформил надлежащим образом финансовые отношения с Б., не представил ей документального подтверждения расходования полученных им на основании доверенности денежных средств со счета Б. в банке на оплату услуг риелтора, собственное вознаграждение и в возмещение ранее оплаченных коммунальных платежей.

Вместе с тем, Совет не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что адвокат М. без письменного согласия Б. снял с её банковского счета, на который поступила оплата за проданную ею квартиру,

денежные средства в размере 333 000 рублей. Этот вывод сделан Комиссией без учета выданной Б. адвокату М. нотариально удостоверенной доверенности, которой ему предоставлены полномочия распоряжаться денежными средствами на счетах доверителя. При этом сумма 83 тысячи рублей была снята в счет возмещения расходов на оплату задолженности Б. по коммунальным платежам за квартиру, без погашения которой невозможно было выполнить поручение доверителя о продаже квартиры, а остальные указанные выше выплаты также произведены адвокатом М. в пределах его полномочий, указанных в доверенности. При таких обстоятельствах Совет исключает дисциплинарное обвинение адвоката М. в расходовании денежных средств Б. без её согласия как необоснованное.

Давая юридическую оценку действиям адвоката М. применительно к установленным обстоятельствам, Совет исходит из следующего.

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее - Закон) физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов (п. 1 ст. 1).

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, Законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В силу положений п. 1 ст. 25 Закона адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

В соответствии с п. 2 ст. 25 Закона соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами) на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, стоимости и порядка расчетов позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения.

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, обязанность «честно, разумно и

добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами» (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») «распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем» (см., например, Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99). Именно адвокат как профессиональный участник правоотношений, связанных с заключением и расторжением соглашения об оказании юридической помощи, обязан принять меры к тому, чтобы все процедуры, относящиеся к процессу заключения соглашения об оказании юридической помощи, в том числе и надлежащее оформление полученных от доверителя денежных средств, соответствовали требованиям законодательства и не нарушали права и охраняемые законом интересы доверителя.

Несоблюдение адвокатом данной обязанности существенным образом нарушает права и законные интересы доверителя (ухудшает его положение), поскольку влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, может породить разногласия по поводу объема принятого и/или исполненного поручения, затруднить заявителю защиту данных прав и охраняемых законом интересов, в том числе решение вопросов, связанных с урегулированием его финансовых притязаний.

В случае если в процессе оказания юридической помощи адвокаты принимают поручение доверителя по распоряжению принадлежащими доверителю денежными средствами, для адвокатов является обязательным соблюдение правил, изложенных в п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, в том числе: средства доверителя всегда должны находиться на счете в банке; в сопровождающих каждую операцию со средствами доверителя документах должно содержаться указание на совершение данной операции адвокатом по поручению доверителя; выплаты какому-либо лицу из средств доверителя, осуществляемые от его имени или в его интересах, могут производиться только при наличии соответствующего непосредственного или опосредованного поручения доверителя, выраженного в письменной форме; адвокат в порядке адвокатского делопроизводства обязан вести учет финансовых документов относительно выполнения поручений по проведению операций со средствами доверителя.

Эти обязательные требования адвокатом М. не исполнены.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершённые им нарушения, Совет принимает во внимание их грубый характер, свидетельствующий об игнорировании основополагающих требований к профессиональному поведению адвоката. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат М. нарушения признал, совершил их впервые.

При таких обстоятельствах Совет считает возможным сохранить адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части. В Заключении Комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, п. 6 ст. 16, пп. 1, 2 и 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1, п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он, не заключив с доверителем Б. в простой письменной форме соглашение об оказании юридической помощи, с 11 января 2020 года по 31 января 2020 года представлял на основании нотариально удостоверенной доверенности, оформленной на него доверителем Б., ее интересы при заключении и исполнении сделки купли-продажи квартиры, расположенной по адресу: ...;

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 6 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Б., выразившееся в том, что он не представил Б. документального подтверждения расходования денежных средств в размере 333 000 рублей, снятых с её банковского счета, на который поступила оплата за проданную квартиру.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Б. от 17 февраля 2021 года (вх. № ... от 01.03.2021) в отношении адвоката М. по жалобе Б. (вх. № ... от 29.03.2021), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

2. Адвокат не внёс вознаграждение в кассу или на р/с адвокатского образования и не зарегистрировал заключённое Соглашение в документации АО, за что получил предупреждение.

Квалификационная комиссия 04 августа 2021 года вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом М. допущено:

1) нарушение положений пп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что, получив от доверителей А. и Мо. 21 июля 2020 года вознаграждение в размере 20 000 000 рублей, адвокат М. не внес его в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

2) нарушение положений п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что, заключив с доверителями А. и Мо. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, он не зарегистрировал его в документации адвокатского образования.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в заседании Совета сообщила, что с Заключением Квалификационной комиссии согласна в полном объеме. Считает, что за допущенные грубейшие нарушения к адвокату М. должна быть применена мера дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат М. представил в Совет Возражения на Заключение Квалификационной комиссии от 20.09.2021 (вх. № ... от 21.09.2021), к которым приложены: копия Заявления от 14.09.2021 представителя М. Ч. нотариусу города Москвы Р. о принятии в депозит нотариуса денежных средств в сумме 20 000 000 рублей для передачи Мо. и А. в равных долях каждой в счет исполнения обязательства по п. 3 Соглашения на оказание юридической помощи от 21.07.2020 (соглашение расторгнуто); копия чека ПАО Сбербанк от 14.09.2021 о переводе денежных средств в сумме 20 000 000 рублей на депозит нотариуса Р. В указанном Заявлении адвокат М. не согласился с Заключением Квалификационной комиссии в части выявленных нарушений, повторно привел доводы своих предыдущих объяснений о том, что исполнял добросовестно и в полном объеме свои профессиональные обязанности перед доверителями Мо. и А., сообщил о том, что 14.09.2021 полученные им по Соглашению от 21.07.2020 года денежные средства были внесены его представителем в депозит нотариуса для передачи (возврата) Мо. и А. и просил «отменить» Заключение Квалификационной комиссии и прекратить дисциплинарное производство. 23 сентября 2021 года в Адвокатскую палату города Москвы от представителя адвоката М. – адвоката Г. поступило Заявление с просьбой приобщить к ранее направленным

Возражениям копию справки нотариуса о принятии в депозит нотариуса денежных средств для передачи А. и Мо. (вх. № ... от 23.09.2021). В заседании Совета 28 сентября 2021 года адвокат М. не поддержал свои письменные Возражения на Заключение Квалификационной комиссии от 20.09.2021 в части несогласия с выводами Квалификационной комиссии о наличии в его действиях нарушений, полностью согласился с Заключением Квалификационной комиссии и признал допущенные нарушения.

Представитель адвоката М. – адвокат Г. в заседании Совета сообщил, что в действиях адвоката М. формально присутствуют установленные Квалификационной комиссией нарушения, однако в силу того, что адвокатом М. возвращены доверителям А. и Мо. денежные средства по расторгнутому соглашению, просил признать нарушения, допущенные адвокатом М., малозначительными, поскольку ущерба доверителям не причинено, а также отсутствует ущерб авторитету адвокатуры. Кроме того, адвокат Г. просил Совет в случае непризнания допущенного адвокатом М. нарушения малозначительным не применять к нему самую строгую меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами в полном объёме, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате рассмотрения дисциплинарного производства установлены следующие фактические обстоятельства.

Адвокаты М. и З. заключили с доверителями А. и Мо. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года. Согласно абз. 2 преамбулы Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, адвокат М. включен в реестр адвокатов города Москвы, имеет регистрационный № ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение № ... от 24 ноября 2017 года, осуществляет адвокатскую деятельность в Коллегии адвокатов города Москвы «...», внесенной в реестр адвокатских образований города Москвы. Пунктом 1 Соглашения установлено: «...по настоящему соглашению Доверитель поручает, а Адвокат берет на себя обязательства оказывать юридическую помощь Доверителю при разрешении и рассмотрении двух гражданских дел в Т. районном суде города Москвы № ..., в Щ. районном суде города Москвы № ...».

Согласно п. 2.1 Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, доверитель обязан «уплатить адвокату вознаграждение за оказание юридической помощи в размере: 20 000 000 (двадцати миллионов) рублей». 18 августа 2020 года доверителями А. и Мо. в адрес адвоката М. направлены распоряжение от 14 августа 2020 года об отмене доверенности и уведомление от 14 августа 2020 года о расторжении договора (соглашения).

В Представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 17 мая 2021 года № ... в отношении адвоката М. выдвинуты дисциплинарные обвинения в ненадлежащем

оформлении отношений с доверителями А. и Мо., что выразилось: в неуказании в Соглашении на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года на принадлежность адвоката М. к адвокатской палате субъекта Российской Федерации; в неисполнении требования о регистрации Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года в документации адвокатского образования – Коллегии адвокатов города Москвы «...»; в неоформлении и невыдаче доверителям А. и Мо. документа, подтверждающего внесение полученного по Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года вознаграждения в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, а также в бездействии, выразившемся в неоказании какой-либо юридической помощи по заключенному с указанными доверителями Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в неисполнении адвокатом М. требований закона о регистрации Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года в документации адвокатского образования, а также в неоформлении и невыдаче доверителям А. и Мо. документа, подтверждающего внесение полученного по Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года вознаграждения в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, Совет приходит к выводу о том, что указанные дисциплинарные обвинения нашли свое подтверждение.

В силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

В соответствии с п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «соглашения об оказании юридической помощи в коллегии адвокатов заключаются между адвокатом и доверителем и регистрируются в документации коллегии адвокатов».

Согласно положениям пп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», условия и размер выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь являются существенным условием соглашения об оказании юридической помощи.

В силу п. 1, 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат имеет право на получение вознаграждения (гонорара), причитающегося за исполняемую работу, а также на возмещение понесенных им издержек и расходов. Гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства.

В силу требований п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение,

выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

Ранее Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях неоднократно указывали, что надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*). Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения с доверителем, то обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

В п. 1 «Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем» указывается, что бездействие адвоката, выразившееся, в том числе, в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации.

В п. 4 указанного Обзора отмечается, что предусмотренная п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» публичная обязанность адвоката по внесению полученного вознаграждения на расчётный счёт либо в кассу адвокатского образования, применяемая в единстве с обязанностью адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к вопросам формализации

отношений с доверителями означает обязанность адвоката обеспечивать получение доверителем финансовых документов, подтверждающих внесение денежных средств, уплаченных в счёт вознаграждения адвоката, на расчетный счёт либо в кассу адвокатского образования (*Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты города Москвы за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем. С. 17 // Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы* (<https://www.advokatymoscow.ru/advocate/docs/discipline/7777/>)).

В ходе дисциплинарного производства установлено, что адвокат М. на момент заключения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года являлся членом Коллегии адвокатов города Москвы «...», однако заключенное между адвокатами М. и З., с одной стороны, и доверителями А. и Мо., с другой стороны, Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года в документации данного адвокатского образования не было зарегистрировано.

Согласно п. 2.1 Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, доверитель обязан «уплатить адвокату вознаграждение за оказание юридической помощи в размере: 20 000 000 (двадцати миллионов) рублей».

В подтверждение передачи адвокату М. денежных средств «за вынесение решения в пользу семьи А.» к представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве прилагались аудио- и видеозаписи, Заключение специалиста по результатам лингвистического исследования от 29 сентября 2020 года, а также объяснения А., Ал., Мо., Б.

Однако адвокат М. отрицал достоверность аудио- и видеозаписей, а также «Транскрипций разговоров» адвоката М. с А., Ал. и Мо., прилагаемых к заключению специалиста по результатам лингвистического исследования.

Вместе с тем, факт получения указанного в Соглашении на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года вознаграждения признан как адвокатом М. в его письменных объяснениях от 20 июля 2021 года, так и его представителями – адвокатами Г. и З. в ходе заседаний Квалификационной комиссии 21 июля и 04 августа 2021 года.

Полученное адвокатом М. вознаграждение не было внесено им в кассу или на расчетный счет адвокатского образования, вследствие чего доверителям А. и Мо. также не был выдан финансовый документ, подтверждающий внесение денежных средств, уплаченных ими в качестве вознаграждения адвоката, на расчетный счёт либо в кассу адвокатского образования.

Данные обстоятельства подтверждаются ответом Коллегии адвокатов города Москвы «...» от 20 июля 2021 года (вх. № ... от 20.07.2021) на запрос Адвокатской палаты города Москвы.

В заседании Квалификационной комиссии 04 августа 2021 года представители адвоката М. – адвокаты Г. и З. дали устные пояснения о причинах невнесения денежных средств в кассу адвокатского образования.

Так, адвокат Г. указал, что часть полученных адвокатом М. денежных средств по Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года подлежала перечислению адвокату З., а часть – ООО «...», поскольку А. и Мо. заключали договор с данным обществом», однако в связи с тем, что «произошло расторжение» Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, денежные средства необходимо вернуть. Адвокат З., в свою очередь, указал, что сумма вознаграждения «не была до конца определена» и «часть денежных средств предназначалась для экспертов».

Указанные доводы представителей адвоката М. Совет не может признать обоснованными в связи с тем, что наличие у последнего каких-либо обязательств перед экспертами или перед иными лицами не освобождало его от обязанности внести полученные денежные средства в кассу адвокатского образования.

Вопреки объяснениям представителя адвоката М. - адвоката Г., невнесение денежных средств в кассу адвокатского образования не может быть обосновано необходимостью их возврата доверителям А. и Мо., поскольку внесение денежных средств в кассу адвокатского образования и соблюдение адвокатом всех прочих требований по формализации отношений с доверителем не препятствует, а, наоборот, способствует обеспечению соблюдения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, в том числе и при реализации процедуры возврата неотработанной части вознаграждения доверителю.

При этом представитель адвоката М. – адвокат З. в заседании Квалификационной комиссии 04 августа 2021 года признал, что «в правовом виде» ООО «...» не имеет какого-либо отношения к заключенному А. и Мо. с адвокатами М. и З. Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года. Доказательств наличия упомянутых адвокатом З. устных договоренностей в материалы дисциплинарного производства не представлено, и таковые договорённости в любом случае не могли освобождать адвоката М. от исполнения его обязанностей, прямо установленных законом.

Органы адвокатского самоуправления Адвокатской палаты города Москвы в своей дисциплинарной практике исходят из того, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо по перечислению на расчетный счет адвокатского образования адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения. В данном случае указанная возможность адвокатом М. реализована не была, а 14 августа 2020 года Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года было расторгнуто по инициативе доверителей А. и Мо.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, 18 августа 2020 года в адрес адвоката М. направлена копия распоряжения об отмене

доверенности от 14 августа 2020 года и уведомление о расторжении договора (соглашения) от 14 августа 2020 года.

Доводы представителя адвоката М. – адвоката З. о том, что Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года не расторгнуто вплоть до настоящего времени, поскольку «уведомление об отказе доверителей А. и Мо. участвовать в дальнейших взаимоотношениях с адвокатами З. и М. является их волеизъявлением, но не является фактом расторжения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года», Советом отклоняются как лишённые правовых оснований.

Согласно п. 2 Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утверждённых Советом 29 сентября 2014 года и опубликованных для всеобщего сведения в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2014. Выпуск № 4 (125)» (С. 10-11), «Доверитель вправе расторгнуть соглашение с адвокатом в любой момент оказания юридической помощи (с особенностями применения ч. 2 ст. 430 ГК РФ). При расторжении доверителем соглашения подлежат оплате фактически оказанная адвокатом юридическая помощь и понесенные им расходы. Недопустимо включать в соглашение условия об обязанности в случае его расторжения доверителем, выплаты адвокату каких-либо сумм в виде неустойки, пени и т.п., либо удержания неотработанной части внесённого гонорара».

Учитывая данные Разъяснения, Совет признает установленным, что Соглашение на оказание юридической помощи было расторгнуто доверителями А. и Мо. 14 августа 2020 года.

Таким образом, на момент расторжения указанного Соглашения оно не было зарегистрировано адвокатом М. в документации адвокатского образования – Коллегии адвокатов города Москвы «...», а полученные по нему денежные средства не были внесены в кассу либо на расчетный счет данного адвокатского образования. При этом в ходе дисциплинарного производства установлено, что как на момент заключения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, так и на момент его расторжения 14 августа 2020 года адвокат М. являлся членом Коллегии адвокатов города Москвы «...».

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводам:

- о нарушении адвокатом М. положений пп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в том, что, получив от доверителей А. и Мо. 21 июля 2020 года вознаграждение в размере 20 000 000 рублей, адвокат М. не внес их в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

- о нарушении адвокатом М. положений п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

выразившемся в том, что, заключив с доверителями А. и Мо. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, он не зарегистрировал его в документации адвокатского образования.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за допущенные им нарушения, Совет учитывает их умышленный и злостный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом М. основополагающих требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции.

Совет не может согласиться с мнением представителя адвоката М. – адвоката Г. о малозначительности установленных нарушений. Совет подчёркивает, что бездействие адвоката, выразившееся, в том числе, в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации.

В то же время Совет учитывает, что адвокат М. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушения признал, денежные средства заявителем возвратил, разместив их в депозит нотариуса.

При указанных обстоятельствах Совет полагает возможным предоставить адвокату М. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и считает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о прекращении в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Так, рассматривая довод заявителя об отсутствии в Соглашении на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года сведений о принадлежности адвоката к адвокатской палате субъекта Российской Федерации, Совет приходит к выводу о его необоснованности.

Согласно пп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», существенным условием соглашения об оказании юридической помощи является «указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате».

Данные положения направлены на исключение неопределенности относительно адвоката, принимающего поручение по соглашению об оказании юридической помощи, путем доведения указанной информации до сведения лица, заключившего данное соглашение с адвокатом, а равно и до сведения лиц, в пользу которых оно может быть заключено. Информирование доверителей адвоката о личности адвоката, оказывающего им юридическую помощь, а также о его принадлежности к адвокатскому образованию и адвокатской палате является важным условием реализации их прав.

Отсутствие в соглашении об оказании юридической помощи сведений о принадлежности адвоката к адвокатской палате не только затрудняет формирование доверительных отношений между сторонами соглашения об оказании юридической помощи, порождая сомнения относительно наличия у лица, оказывающего такую помощь, статуса адвоката, но и создает существенные препятствия к реализации права доверителей на обращение с жалобой на действие (бездействие) адвоката, поскольку согласно п. 5 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, дисциплинарное производство осуществляется только квалификационной комиссией и советом адвокатской палаты, членом которой состоит адвокат.

Согласно абз. 2 преамбулы Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, адвокат М. включен в реестр адвокатов города Москвы, имеет регистрационный № ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение № ... от 24 ноября 2017 года, осуществляет адвокатскую деятельность в Коллегии адвокатов города Москвы «...», внесенного в реестр адвокатских образований города Москвы.

Таким образом, Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года содержит сведения о включении адвоката в реестр адвокатов субъекта Российской Федерации и указание на его регистрационный номер в данном реестре.

Согласно п. 4 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат может одновременно являться членом адвокатской палаты только одного субъекта Российской Федерации, сведения о нем вносятся только в один региональный реестр. Адвокат вправе осуществлять свою деятельность только в одном адвокатском образовании, учрежденном в соответствии с настоящим Федеральным законом.

При этом согласно п. 1 ст. 14 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», «территориальный орган федерального органа исполнительной власти в области юстиции (далее – территориальный орган юстиции) ведет реестр адвокатов субъекта Российской Федерации (далее – региональный реестр)».

В свою очередь, согласно абз. 3 п. 14 Порядка ведения реестров адвокатов субъектов Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 23 апреля 2014 № 85, «Регистрационный номер не может быть присвоен другому лицу, в том числе при исключении сведений из реестра в случае изменения адвокатом членства в адвокатской

палате или внесении в реестр сведений в случае прекращения статуса адвоката».

В свете изложенных положений приведение в Соглашении на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года сведений о включении адвоката М. в реестр адвокатов города Москвы с регистрационным номером № ... указывает на принадлежность адвоката М. к Адвокатской палате города Москвы, исключая какую-либо неопределенность относительно данного факта.

Приведение в соглашении об оказании юридической помощи регистрационного номера адвоката в реестре адвокатов субъекта Российской Федерации обеспечивает получение лицом, заключившим данное соглашение, а равно и доверителями адвоката, которым на его основании оказывается юридическая помощь, более точных сведений по сравнению с общей информацией о принадлежности адвоката к адвокатской палате субъекта Российской Федерации. Кроме того, из положений пп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не следует, в какой именно форме в соглашении об оказании юридической помощи может быть указана данная информация.

Таким образом, Совет пришел к выводу, что требования пп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатом М. при заключении Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года не были нарушены.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в бездействии, выразившемся в неоказании адвокатом М. какой-либо юридической помощи А. и Мо. по заключенному с указанными доверителями Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, Совет принимает во внимание, что представленные адвокатом М. в дисциплинарное производство дополнительные материалы (вх. № ... от 30.07.2021) свидетельствуют о том, что юридическая помощь доверителям А. и Мо. оказывалась адвокатами М. и З. с 2019 года. Из объяснений адвоката М. и его представителей следует, что Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года было подписано с целью формализации ранее существовавших отношений с доверителями А. и Мо., однако в действительности не отражало фактически сложившиеся между сторонами правоотношения.

В частности, давая объяснения в заседании Квалификационной комиссии 04 августа 2021 года, представитель адвоката Ма. – адвокат З. указал, что Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года не содержало перечня видов оказанной юридической помощи, оказанных услуг и «произведенных оплат». Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года было составлено «в такой форме, которая не соответствует установленной форме», потому что это было «требованием доверителей», которые только в такой форме согласились заключить данное соглашение.

Совет в своих решениях и Квалификационная комиссия в своих заключениях ранее неоднократно отмечали, что требования к форме и

содержанию соглашения на оказание юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе, предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения (см, например, *Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 11-12 (13-14). Москва, 2004. С. 18*).

Поскольку проявление принципа свободы договора может быть ограничено при заключении адвокатом соглашения об оказании юридической помощи предписаниями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, адвокат должен избегать включения в соглашение с доверителем условий, допускающих их неоднозначное понимание (*Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. Выпуск № 4, 5, 6 (90, 91, 92). Москва, 2011. С. 22-25, Сборник нормативных и информационных материалов за 2002-2014 годы: Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2014. С. 196*).

Заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение вышеперечисленных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), а как лица, которое оказывает различного рода услуги неясной правовой природы.

Исходя из этого, в силу взаимосвязанных положений пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», обязанность по четкому и недвусмысленному формулированию существенных условий Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года лежала на адвокате М., а значит, несоответствие содержания Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года фактическим правоотношениям лишь подтверждает выводы о допущенных адвокатом М. нарушениях норм профессиональной этики, предписывающих необходимость надлежащей формализации отношений с доверителем.

Оспаривание адвокатом М. достоверности содержания аудио- и видеозаписей, представленных в материалы дисциплинарного производства, не позволило Квалификационной комиссии установить на их основании содержание правоотношений, фактически сложившихся между сторонами Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, а отсутствие соответствующего дисциплинарного обвинения не позволяет дать

правовую квалификацию профессионального поведения адвоката М. в данной части.

В то же время, представленные адвокатом М. дополнительные материалы недвусмысленно указывают на то, что адвокат М. действительно оказывал доверителям А. и Мо. юридическую помощь по ряду гражданских дел, вытекающих из вещных, наследственных и обязательственных правоотношений.

Согласно п. 1 Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года «по настоящему соглашению Доверитель поручает, а Адвокат берет на себя обязательства оказывать юридическую помощь Доверителю при разрешении и рассмотрении двух гражданских дел в Т. районном суде города Москвы № ..., в Щ. районном суде города Москвы № ...».

Из представленных адвокатом М. дополнительных материалов следует, что исковые заявления по данным гражданским делам были составлены и направлены в соответствующие суды до момента заключения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года. По данным официального портала судов общей юрисдикции города Москвы (<<http://www.mos-gorsud.ru>>), исковое заявление А. и Мо., поданное в Т. районный суд города Москвы, зарегистрировано 29 июня 2020 года, а исковое заявление этих же истцов, поданное в Щ. районный суд города Москвы, зарегистрировано 30 июня 2020 года.

В обоих указанных исковых заявлениях адвокаты М. и З. указаны в качестве представителей истцов А. и Мо. Доверенность адвокату М. в числе иных представителей выдана доверителями А. и Мо. 29 июня 2020 года.

Согласно сведениям, опубликованным на официальном портале судов общей юрисдикции города Москвы, по обоим указанным гражданским делам с момента заключения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года и до момента его расторжения по инициативе доверителей А. и Мо. 14 августа 2020 года судами была проведена подготовка к судебному разбирательству (беседа).

На момент расторжения Соглашения на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, которое произошло менее чем через месяц после его заключения, рассмотрение обоих указанных гражданских дел не было завершено.

Представитель адвоката М. – адвокат Г. пояснил в ходе дисциплинарного разбирательства, что были поданы исковые заявления, однако в связи с тем, что 14 августа 2020 года Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года было расторгнуто и доверенность была отозвана, оказание юридической помощи было прекращено. Доказательств, опровергающих объяснения адвоката М. и его представителей об оказании А. и Мо. юридической помощи по указанным гражданским делам не представлено.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что дисциплинарное обвинение в отношении адвоката М. в общем бездействии по Соглашению на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года и

неисполнении обязательств по нему не подтверждено достаточными доказательствами, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- нарушение положений пп. 4 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что, получив от доверителей А. и Мо. 21 июля 2020 года вознаграждение в размере 20 000 000 рублей, адвокат М. не внес его в кассу или на расчетный счет адвокатского образования и не выдал доверителю финансовый документ по проведению операции с его средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

- нарушение положений п. 15 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что, заключив с доверителями А. и Мо. Соглашение на оказание юридической помощи от 21 июля 2020 года, адвокат М. не зарегистрировал его в документации адвокатского образования.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 17 мая 2021 года № ..., основанному на материалах обращения Мо. и А. (вх. № ... от 26.05.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

3. Адвокату объявлено предупреждение за невыдачу финансового документа по проведению операций со средствами доверителя и неисполнение обязанностей по контролю за расследованием уголовного дела и обжалованию постановлений следователя о прекращении уголовного дела.

Квалификационная комиссия 21 июля 2021 года вынесла Заключение:

- о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями П. и По., выразившемся в том, что, получив от доверителя По. 10 и 18 января 2020 года в счет причитающегося ему вознаграждения по Договору об оказании юридической помощи от 10 января 2020 года № ... денежные средства в общей сумме 120 000 рублей, адвокат Т. не выдал доверителям П. и По. финансовый документ по проведению

операций с их средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

- о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями П. и По., что выразилось в отсутствии с его стороны контроля за расследованием уголовного дела № ..., находящегося в производстве следственного отдела по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве, и намеренном неисполнении своих профессиональных обязанностей по обжалованию постановлений следователя от 20 июня 2020 года и 09 октября 2020 года о прекращении уголовного дела;

- о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Т. по жалобе П. и По., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В заседании Совета заявители П. и По. подтвердили получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласились, вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката Т. оставили на усмотрение Совета.

В заседании Совета адвокат Т. подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился частично (с выводом о невыдаче финансового документа категорически не согласен) и поддержал доводы своих письменных возражений.

Адвокат Т. в письменных возражениях без даты (вх. № ... от 01.09.2021), названных им «Заявление по заключению Квалификационной комиссии по дисциплинарному производству в отношении адвоката Т., указал (*текст возражений приводится с сохранением лексики и пунктуации автора – примечание Совета*): «не согласен с выводом Квалификационной комиссии о том, что “адвокат Т. не выдал доверителям финансовый документ по проведению операция с их средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством” по следующим основаниям:

1. Комиссия полностью проигнорировала тот факт, что адвокат Т. выдал доверителям расписку, собственноручно составленную им в присутствии доверителей с подписью адвоката и печатью адвокатского кабинета. Составление собственной рукой текста расписки в присутствии доверителей считаю действием, выражающим высочайшую степень доверия между сторонами, заключающими сделку. Согласно словарю Ожегова С.И. (изд-во “Русский Язык” 1989 года), стр. 573, расписка – документ с подписью, удостоверяющий получение чего-нибудь.

Разъяснениями Совета ФПА РФ от 19.01.2007 года по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов была рекомендована форма квитанции. Согласно словарю Ожегова С.И. (стр. 234) слово квитанция означает “официальная расписка в принятии денег и иных ценностей”. Обратимся к содержанию квитанции, рекомендованной ФПА и содержанию той расписки, которую адвокат Т. собственноручно составил в присутствии доверителей. В квитанции, рекомендованной ФПА, имеются следующие реквизиты:

- наименование адвокатского образования
- дата составления
- основание получения денег – за что получено, номер соглашения
- сумма, единица измерения
- ФИО доверителя
- ФИО адвоката

В расписке собственноручно составленной Т. указано:

- дата и место составления
- ФИО доверителя
- ФИО адвоката
- номер договора по которому получено

В чем разница? Только в словах, которыми эти документы названы: квитанция и расписка. Но как мы видим, Ожегов С.И. определение понятия “квитанция” дает через родовое слово “расписка”. Таким образом фактически квитанция является той же самой распиской.

Каковы требования закона к форме первичного бухгалтерского документа? Соответствует ли расписка, составленная адвокатом Т. требованиям действующего законодательства? В расписке зафиксирован такой факт хозяйственной деятельности адвокатского кабинета Т. как получение оплаты от доверителя по договору. В ст. 9 закона “О бухгалтерском учете в РФ” установлены следующие требования к содержанию первичного бухгалтерского документа.

“Обязательными реквизитами первичного учетного документа являются:

- 1) наименование документа;
- 2) дата составления документа;
- 3) наименование экономического субъекта, составившего документ;
- 4) содержание факта хозяйственной жизни;
- 5) величина натурального и (или) денежного измерения факта хозяйственной жизни с указанием единиц измерения;
- 6) наименование должностного лица (лиц), совершившего (совершивших) сделку, операцию и ответственного (ответственных) за ее оформление, либо наименование должности лица (лиц), ответственного (ответственных) за оформление совершившегося события;

7) подписи лиц, предусмотренных пунктом 6 настоящей части, с указанием их фамилий и инициалов либо иных реквизитов, необходимых для идентификации этих лиц”.

В расписке составленной адвокатом Т. все указанные в законе реквизиты наличествуют в полном объеме. Содержание расписки соответствует требованиям закона.

Слово “финансы” согласно словарю Ожегова С.И. (стр. 741) означает – 1. денежные средства как элемент народнохозяйственного оборота 2. Деньги, денежные дела.

Таким образом, расписка, выданная адвокатом Т. своим доверителям о получении от них денежных средств и есть финансовый документ по проведению операций с их средствами.

Кроме того, доверители, за весь период моего с ними общения ни разу не просили меня выдать им приходно-кассовый ордер (квитанцию и т.п.). Им было достаточно моей расписки, которую я составил собственной рукой, и они лично наблюдали как я писал текст расписки, расписывался и ставил печать. Полагаю, что составление своей рукой в присутствии доверителя расписки, есть действие боле душевно-доверительное, нежели выдача доверителю сухого-бюрократического документа, на котором бездушным свинцово-типографским шрифтом указано то же самое, что написано рукой адвоката.

2. Дисциплинарная практика, указанная в Заключении комиссии (обзор дисциплинарной практики Адвокатской Палаты г. Москвы // Вестник АП 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (стр. 17) и обзор дисциплинарной практики Адвокатской Палаты г. Москвы // Вестник АП 2021. Выпуск № 1, 2, 3 (стр. 99) освещает позицию СП в отношении адвокатов – членов коллегий (юридических лиц) и я с этой позицией полностью согласен. Ибо в указанных случаях адвокат обманывает и своих доверителей и то адвокатское образование (юридическое лицо) в составе которого он состоит. Тем более, что в силу п. 14 ст. 22 Закона «Об адвокатской деятельности» коллегия адвокатов несет предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей налогового агента или представителя.

В рассматриваемом спорном случае адвокат Т. никак не может обмануть адвокатский кабинет Т.

3. Комиссия не указала на “установленное действующее законодательство” в отношении адвокатов, работающих в форме адвокатского кабинета. В соответствии с п. 3 ст. 21 закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокатский кабинет не является юридическим лицом. П/п 4 пункта 1 ст. 2 закона «О бухгалтерском учете в РФ» относит адвокатов, учредивших адвокатский кабинет к лицам, занимающимся частной практикой. П/п 1 пункта 2 статьи 6 закона «О бухгалтерском учете» освобождает от обязанности вести бухгалтерский учет лиц, занимающихся частной практикой. Пунктом 6 ст. 25 закона «Об адвокатской деятельности» определена обязанность адвоката обязательного внесения в кассу

соответствующего адвокатского образования, полученного от доверителя вознаграждения в виде наличных денег. Кассой, согласно словаря Ожегова С.И. (изд-во “Русский Язык” 1989 года) стр. 232 является 1. Ящик (шкаф) для хранения денег, помещение, в котором производятся денежные операции 2. Денежная наличность учреждения 3. Аппарат, на котором отпечатываются талоны с указанием полученной суммы. Согласно Википедии касса – есть денежная наличность предприятия или организации; подразделение организации, осуществляющее операции с наличными деньгами; помещение где расположено это подразделение; участок (регистр) бухгалтерского учета, предназначенный для отражения операций о движении наличных денежных средств.

На сегодняшний день порядок ведения кассовых операций определен ЦБ РФ Указаниями от 11.03.2014 № 3210-У (зарегистрирован в Минюсте 23.05.2014 № 324040. Данный порядок распространяется на юридических лиц, частных предпринимателей субъектов малого предпринимательства. Данный порядок на адвокатские кабинеты не распространяется.

В соответствии с п. 4.1 Указаний: Кассовые операции оформляются приходными кассовыми ордерами, расходными кассовыми ордерами (далее – кассовые документы). Платежный агент, банковский платежный агент (субагент) на наличные деньги, принятие при осуществлении деятельности платежного агента, банковского платежного агента (субагента), оформляет отдельный приходный кассовый ордер.

Индивидуальными предпринимателями, ведущими в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах учет доходов и расходов и (или) иных объектов налогообложения либо физических показателей, характеризующих определенный вид предпринимательской деятельности, кассовые документы могут не оформляться.

Пунктом 5.3 указанного нормативного акта предусмотрено, что прием в кассу юридического лица наличных денег, сдаваемых обособленным подразделением, а также изъятых из автоматического устройства, осуществляется по приходному кассовому ордеру. Как видно это правило обязательно только для юридических лиц. Адвокатский кабинет не является юридическим лицом и никакой “кассы” в смысле отдельного подразделения в составе адвокатского кабинета у адвоката работающего в форме адвокатского кабинета не может и не должно быть. Полагаю, что п. 6 ст. 25 закона “Об адвокатской деятельности...” под поднятием “кассы соответствующего адвокатского образования” предполагает именно кассу юридического лица, каковыми и являются все адвокатские образования кроме адвокатского кабинета. Кассой адвокатского кабинета является карман (бумажник, сейф) адвоката, учредившего адвокатский кабинет. И для того, чтобы адвокатский кабинет Т. внес полученное вознаграждение в кассу адвокатского кабинета Т. необходимо и достаточно чтобы адвокат Т. положил полученное вознаграждение в свой карман (бумажник, сейф). При этом закон не обязывает адвоката Т. выписывать приходный кассовый ордер.

4. Суды РФ так же принимают расписку в качестве необходимого и достаточного документа для взыскания расходов на представителя. Данное утверждение подтверждается моей личной судебной практикой и судебными актами, опубликованными в системе Гарант. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 октября 2012 г. № ВАС-5019/12 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».

На основании изложенного полагаю следующее: закон устанавливает, что вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, подлежит обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования. При этом адвокатский кабинет не является субъектом права, а соответственно, не может иметь кассу и не может быть ни работодателем, ни представителем адвоката. Следовательно, требование о внесении платы в кассу адвокатского образования в силу закона не может быть распространено на адвокатский кабинет. Деньги за оказанные услуги доверитель передает, как и предусмотрено законом, исполнителю услуг – адвокату.

Таким образом, законным доказательством несения расходов, связанных с оплатой услуг адвоката, избравшего адвокатский кабинет как форму ведения своей деятельности, должно быть письменное подтверждение факта получения именно адвокатом платы от доверителя.

Выводы: 1. составление адвокатом в присутствии доверителей расписки есть проявление полного доверия сторон друг другу

2. расписка составленная адвокатом Т. и выданная им доверителям есть необходимый и достаточный финансовый документ “по проведению операций со средствами доверителей”

II. Касательно уголовного дела.

Комиссия охарактеризовала мое поведение как “намеренное неисполнение своих профессиональных обязанностей”.

10 января 2020 года, при первой встрече с доверителями, им сказал, что:

- виновного не найдут. Я не знаю кто виноват. И доверители не имели своего мнения по поводу виновного. И не требовали от меня найти виновного.

- гражданский иск надо подавать к властям М. Иск будет удовлетворен. Заявителя хотели денежной компенсации морального вреда.

Я изучил практику по подобным случаям. Очень редко такое случается. Почти схожий случай был в М. в 2012 году: погибла дочь известного музыканта Р. от удара качелями на детской площадке. Уголовное дело было возбуждено и Н. суд вынес условный приговор в отношении должностного лица. Апелляционное постановление прилагаю. Качели, в отличие от дерева, сделаны человеком. На качели есть чертеж, инструкция по эксплуатации, сроки проверки, гарантийные сроки, сроки годности... А какие документы имеются на дерево?

Полагаю, что обжаловать постановления следователя надо не ради факта и процесса обжалования, а ради конкретной цели – поиска виновного. Кто виноват, что дерево упало? Оно ж не рукотворное. Н. суд в случае, когда

ребенок погиб от сделанного человеком предмета (качели) – назначил «виновного». Под своими профессиональными обязанностями в данном случае я понимал определение возможного виновного в трагедии. Моя мысль о том, что ствол дерева мог прогнить внутри из-за того, что питанию корня дерева помешал близко к корню положенный асфальт разбилось о то обстоятельство, что эксперт следственной группы при фотографировании корневой части упавшего дерева не положил мерную линейку. По фотографии без мерной линейки расстояние между объектами определить невозможно. Попытка привлечь к уголовной ответственности лицо, осуществившее укладку асфальта с нарушением должного расстояния от дерева не увенчалась успехом. Но и в этом случае надо было еще установить причинно-следственную связь между неправильным расстоянием и причиной падения дерева. На этом это мое направление поиска виновного оборвалось. Я не мог преследовать невиновного. Я не знаю кто виноват. И потерпевшие не знали. И следователь и прокурор тоже не узнали...

На сегодняшний день, согласно информации озвученной П. на заседании комиссии 21 июля 2021 года дело расследуется. Виновный не найден. Трагедия случилась в июле 2019 года. Я в дело вступил в январе 2020 года. До моего вступления в дело свидетели были опрошены, доказательства собраны. Могли ли за это время появиться новые доказательства, новые свидетели – не знаю. Как “снизилась возможность для полноценного расследования” как указано в жалобе – не понимаю. Только 24.03.21 П. в ватсапе сообщил мне что якобы существует некая О., которая 11 мая 2019 года “обращалась по поводу деревьев”. При этом телефона этой “О.” П. мне не дал. Когда я 25.03.21 был у следователя и сообщил ему о якобы имеющемся свидетеле, которая 11 мая 2020 года (дерево упало 04.07.2019) “подавала заявление по деревьям”, следователь очень удивился и сказал мне, что в деле об этом ничего нет и что П. ему ничего не говорил про этого свидетеля.

Утверждение П. на заседании комиссии 21.07.2021 о том, что я не звонил “свидетелю” полностью не соответствует действительности. П. не дал мне телефон свидетеля, что подтверждается перепиской с ним по ватсапу.

Я узнал о постановлении от 20.06.20 когда оно уже было отменено постановлением прокуратуры от 28.08.2020 года. Зачем же мне было обжаловать уже отмененное прокуратурой постановление следователя от 20.06.20? И этот факт подтвержден моей перепиской с доверителями по электронной почте от 09.11.2020. В материалах дисциплинарного производства переписка имеется.

О том, что было постановление о прекращении от 09.10.2020 я вообще ничего не знал.

Следователь не уведомлял меня и потерпевших о постановлениях и не сказал мне ничего о наличии постановления о прекращении от 09.10.2020, когда я был у него в начале ноября 2020 года. В материалах производства нет доказательств того, что доверители получали постановления о прекращении, отправляли эти постановления мне, а я ничего не обжаловал.

III. Касательно гражданского дела.

Согласно информации с сайта Б. суда иск удовлетворен 19.08.2021. Дело № ...

На сегодняшний день:

- иск к властям М. удовлетворен.
- уголовное дело расследуется.
- виновный не найден.

Состоялось именно то, что сказал адвокат Т. доверителям 10 января 2020 года.

Является ли это “намеренным непрофессиональным исполнением” своих обязанностей адвокатом Т. – Вам решать».

К письменным возражениям адвоката Т. приложены: светокония апелляционного постановления М. городского суда от 30 июля 2014 года (на 9 листах), решение Бу. районного суда города Москвы от 11 августа 2021 года (на 4 листах), определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 октября 2012 года № ВАС-5019/12 (на 3 листах).

Рассмотрев и обсудив дисциплинарное производство, заслушав заявителей П. и По., адвоката Т., Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 04 июля 2019 года постановлением старшего следователя З. межрайонного следственного отдела следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве старшего лейтенанта юстиции Та., прикомандированного к следственному отделу по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве, возбуждено уголовное дело № ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ. По данному уголовному делу 16 и 17 июля 2019 года, соответственно, П. и По. признаны потерпевшими.

10 января 2020 года адвокатом Т., осуществляющим свою деятельность в адвокатском кабинете, с П. и По. был заключен договор об оказании юридической помощи № ..., в соответствии с которым «адвокат принимает на себя обязательство по консультированию и представлению интересов Доверителей на стадии предварительного следствия по уголовному делу № ..., возбужденному 04.07.2019 года З. межрайонным следственным управлением по ... ГСУ СК РФ по Москве по факту гибели сына Доверителей – П.А., 29.12.2015 года рождения, а также подготовки и подачи гражданского иска о компенсации Доверителям морального ущерба в связи с гибелью их сына, представления интересов Доверителей при рассмотрении данного иска в суде первой инстанции, в апелляционной и кассационной инстанциях».

Согласно п. 3.1 – 3.3 Договора вознаграждение адвоката Т. составило:

- «за консультирование и представление интересов Доверителей на стадии предварительного следствия по уголовному делу» – 50 000 рублей;

- «за участие Адвоката в гражданском судопроизводстве» – 70 000 рублей. «В стоимость указанных услуг входит подготовка искового заявления, представление интересов Доверителей в суде первой инстанции, в апелляционной и кассационной инстанциях».

- «при получении суммы морального ущерба Доверители дополнительно выплачивают Адвокату вознаграждение в размере 10 процентов от полученной суммы».

10 января 2020 года По. передала адвокату Т. денежные средства в размере 50 000 рублей в счет уплаты вознаграждения по заключенному Договору, о чем адвокатом была выдана собственноручная расписка. 18 января 2020 года По. передала адвокату Т. денежные средства в размере 70 000 рублей в счет уплаты вознаграждения по заключенному Договору, о чем адвокатом также была выдана собственноручная расписка.

11 марта 2020 года постановлением старшего следователя следственного отдела по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве старшего лейтенанта юстиции Ч. уголовное дело № ... было приостановлено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, – в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. 20 мая 2020 года указанное постановление следователя было отменено руководителем следственного отдела по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве майором юстиции Г.

Постановлением старшего следователя следственного отдела по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве от 20 июня 2020 года производство по уголовному делу № ... было прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, – в связи с отсутствием события преступления. Указанное постановление было отменено Б. межрайонным прокурором города Москвы 28 августа 2020 года.

09 октября 2020 года постановлением старшего следователя следственного отдела по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве старшего лейтенанта юстиции Ч. производство по уголовному делу № ... вновь было прекращено по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, – в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ.

Постановления следователя о приостановлении и прекращении уголовного дела адвокатом Т. не обжаловались.

Адвокатом Т. было подготовлено от имени П. и По. и 13 января 2021 года направлено по почте в Б. районный суд города Москвы исковое заявление о возмещении морального вреда. Исковое заявление было зарегистрировано судом 08 февраля 2021 года, 18 марта 2021 года адвокат Т. принял участие в проведении судом беседы.

31 марта 2021 года в адрес адвоката Т. доверителями по почте направлено Уведомление без даты о расторжении договора об оказании юридической помощи от 10 января 2020 года № ..., факт получения которого адвокатом Т. не оспаривается.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в том, что адвокат Т. не выдал доверителям квитанции о внесении денежных средств в кассу адвокатского образования, Совет отмечает, что в силу положений п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

Согласно п. 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката гонорар определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Соглашение об оказании юридической помощи может содержать условие о внесении доверителем в кассу либо о перечислении на расчетный счет адвокатского образования (подразделения) денежных сумм в качестве авансовых платежей.

В соответствии с требованиями п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением.

В дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы сложился устойчивый подход, в соответствии с которым надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений в строгом соответствии с законом, что, в свою очередь, позволяет адвокату рассчитывать на доверие со стороны лица, обратившегося к нему за квалифицированной юридической помощью (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (93, 94, 95). С. 17*).

Поскольку адвокат является профессиональным участником юридического правоотношения, то обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») распространяется не только на собственно процесс оказания доверителю юридической помощи, но и на вопросы формализации отношений адвоката с доверителем (см., например, *Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2012. Выпуск № 1, 2, 3 (99, 100, 101). С. 99*).

Нарушения со стороны адвокатов, связанные с невнесением в кассу адвокатского образования полученных от доверителя по соглашению денежных средств, а также с невыдачей доверителю документов по

проведению операции с его средствами, нашли свое отражение в пп. 1, 4 *Обзора дисциплинарной практики за 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с исполнением финансовых и/или иных договорных обязательств адвоката перед доверителем*, в котором разъяснено, что действия и бездействие адвоката, выразившиеся в неоприходовании полученных им от доверителя по соглашению денежных средств, невыдача доверителю документов по проведению операции с его средствами, подрывают независимость адвоката, исключают установление фидуциарных (доверительных) отношений между ним и его доверителем, направлены к подрыву доверия, а также демонстрируют явное и нарочитое пренебрежение адвокатом требованиями законодательства, регламентирующего адвокатскую деятельность в Российской Федерации (*Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы: www.advokatymoscow.ru*).

Совет в своей дисциплинарной практике исходит из того, что в тех случаях, когда не исполнена обязанность по внесению вознаграждения, выплаченного адвокату доверителем, в кассу соответствующего адвокатского образования либо по перечислению его на расчетный счет адвокатского образования адвокат имеет правовую возможность в период действия соглашения устранить допущенные нарушения.

Денежные средства от доверителя По. в счет уплаты вознаграждения были получены адвокатом Т. 10 и 18 января 2020 года, при этом Договор об оказании юридической помощи был расторгнут доверителями только 31 марта 2021 года. Таким образом, у адвоката Т. имелось достаточно времени для выдачи доверителям квитанций, подтверждающих внесение денежных средств в кассу адвокатского образования.

Адвокатом Т. факт невыдачи доверителям квитанций, подтверждающих внесение полученных от них денежных средств в кассу адвокатского кабинета, не оспаривается, при этом, как указано выше, адвокат Т. заявляет, что выдачу расписок вместо квитанций он полагает правильным решением, и это является его обычной практикой. Указанное свидетельствует о принципиальном игнорировании адвокатом Т. приведенных выше положений о необходимости оформления адвокатом финансового документа (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) по проведению операций с денежными средствами при получении от них вознаграждения за оказание юридической помощи.

Совет отклоняет как несостоятельные доводы адвоката Т. о возможности замены распиской адвоката первичных документов бухгалтерского учёта (квитанции о приеме денежных средств, приходного кассового ордера и т.п.) в качестве подтверждения получения от плательщика наличных денежных средств, а также о том, что требования о надлежащем оформлении полученного вознаграждения распространяются лишь на адвокатов, осуществляющих профессиональную деятельность в коллективных адвокатских образованиях.

Совет полагает недопустимым игнорирование адвокатом приведенных выше требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в части оформления адвокатом полученного вознаграждения и принятых в его развитие решений органов адвокатского самоуправления (Разъяснения по вопросу использования адвокатскими образованиями квитанций для оформления наличных расчетов по оплате услуг адвокатов, утвержденные Решением Совета ФПА РФ от 19 января 2007 года; Обзоры дисциплинарной практики Адвокатской Палаты города Москвы (Вестник АП 2011. Выпуск № 7, 8, 9 (стр. 17) и Вестник АП 2021. Выпуск № 1, 2, 3 (стр. 99)).

Совет полагает неприемлемым обоснование адвокатом Т. умышленного неисполнения им императивных требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» путем избирательных ссылок на нормы Федерального закона от 06 декабря 2011 года № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», а также на «Словарь русского языка» Ожегова С.И. и на выдержки из сетевой энциклопедии «Википедия», содержание которой свободно формируется интернет-сообществом.

Совет подчёркивает, что требования Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» о надлежащем оформлении адвокатом полученного вознаграждения, а также приведенных выше решений органов адвокатского самоуправления являются общеобязательными, подлежат исполнению каждым адвокатом и направлены, в том числе, на формирование дополнительных гарантий обеспечения прав и свобод доверителей. В этой связи Совет отмечает, что Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других», отмечая приоритет специальных норм в области адвокатуры и адвокатской деятельности, указал, что когда в федеральном законе устанавливаются те или иные дополнительные гарантии прав и свобод граждан, федеральный законодатель вправе осуществить соответствующее правовое регулирование не в отраслевом законодательстве, а в специальном законе, каковым является Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации"».

Таким образом, при оформлении полученного вознаграждения за оказанную юридическую помощь адвокат Т. должен был руководствоваться соответствующими требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и принятыми в их развитие решениями органов адвокатского самоуправления, а не нормами иных отраслей права, не являющихся в данном случае приоритетными, и не толковыми словарями или интернет-ресурсами.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о ненадлежащем исполнении адвокатом Т.

профессиональных обязанностей перед доверителями, выразившемся в том, что, получив от доверителя По. 10 и 18 января 2020 года в счет причитающегося ему вознаграждения по Договору об оказании юридической помощи от 10 января 2020 года № ... денежные средства в общей сумме 120 000 рублей, адвокат Т. не выдал доверителям П. и По. финансовый документ по проведению операций с их средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом Т. принятых на себя обязательств по представлению интересов доверителей П. и По., являющихся потерпевшими по уголовному делу № ..., Совет отмечает, что по общему правилу, органы адвокатского самоуправления не считают для себя допустимым вмешиваться в вопросы определения тактики защиты (работы по делу), избираемой адвокатом, который по своему статусу, закрепленному законодательно (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Действуя в этом статусе, адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства.

По этой причине претензии доверителя к адвокату в части, касающейся выбранной адвокатом тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности или Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вопрос о том, каким образом адвокат Т. должен был представлять интересы потерпевших П. и По. по уголовному делу, является вопросом тактического характера.

Совет также отмечает, что заявители жалобы, указывая на то, что за всё время работы по делу адвокат Т. получил в январе 2020 года консультацию у экспертов и заявил всего лишь два ходатайства, не указывают, какие еще ходатайства, по их мнению, должен был заявить адвокат Т. в их интересах и какие иные действия совершить. При таких обстоятельствах Совет лишен возможности оценить доводы жалобы в части некачественного оказания адвокатом Т. юридической помощи по представлению интересов заявителей в уголовном деле.

Вместе с тем, Совет отмечает, что положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными

законодательством Российской Федерации средствами (пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») применительно к участию в качестве представителя в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом своих полномочий, предусмотренных ст. 42, 45 УПК РФ, в частности: получать копии постановлений о прекращении уголовного дела, о приостановлении производства по уголовному делу, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения следователя.

В ходе рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что 11 марта 2020 года, то есть уже после заключения Договора об оказании заявителям юридической помощи, уголовное дело №... сначала было приостановлено следователем в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а затем производство по делу дважды (20 июня 2020 года и 09 октября 2020 года) прекращалось в связи с отсутствием события преступления.

Возражая против дисциплинарных обвинений в этой части, адвокат Т. пояснил, что о прекращении и приостановлении уголовного дела он узнавал от следователя при личном с ним общении. Следователь сообщал ему, что в соответствии со ст. 213 УПК РФ направлял постановления о прекращении уголовного дела потерпевшим. Потерпевшие П. и По. говорили адвокату Т., что никаких постановлений о прекращении уголовного дела они не получали. Таким образом, адвокат Т. узнавал о том, что уголовное дело прекращалось, уже после отмены этих решений. Более частому личному общению со следователем, по утверждению адвоката Т., мешал «коронавирусный режим».

Однако ранее в переписке с доверителями адвокат Т. заявлял, что в обжаловании постановлений следователя [*о прекращении уголовного дела – примечание Совета*] он не видел никакого смысла, так как знал, что «прокуратура отменит указанные постановления без моих жалоб».

Из представленной адвокатом Т. электронной переписки с По. за 09 ноября 2020 года усматривается, что о вынесении следователем 20 июня 2020 года постановления о прекращении уголовного дела адвокат Т. узнал лишь 09 ноября 2020 года, когда лично посетил следователя. То есть, как минимум с 20 июня по 09 ноября 2020 года, то есть в течение почти пяти месяцев, адвокат Т. не интересовался у следователя ходом и результатами расследования уголовного дела, по которому он представлял родителей погибшего ребёнка. При этом в указанной переписке адвокат Т. не сообщает По. о том, что 09 октября 2020 года следователем повторно вынесено постановление о прекращении уголовного дела, но прилагает к письму постановление Б. межрайонного прокурора от 28 августа 2020 года об отмене постановления следователя от 20 июня 2020 года о прекращении уголовного дела.

С учетом изложенного Совет признаёт установленным, что адвокат Т. не обжаловал постановления следователя о прекращении уголовного дела, поскольку не видел в этом никакого смысла, так как полагал, что прокурор сам отменит указанные постановления, и приходит к выводу о ненадлежащем

исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, что выразилось в отсутствии с его стороны контроля за расследованием уголовного дела и намеренном неисполнении им своих профессиональных обязанностей по обжалованию постановлений следователя о прекращении уголовного дела.

Вместе с тем, Совет считает неопровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Т. в части доводов жалобы о необжаловании им постановления старшего следователя следственного отдела по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве старшего лейтенанта юстиции Ч. от 11 марта 2020 года о приостановлении производства по уголовному делу, поскольку указанное постановление уже 20 мая 2020 года было отменено руководителем следственного отдела по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве майором юстиции Г., при этом в период с 11 марта 2020 года по 20 мая 2020 года в городе Москве действовал режим повышенной готовности, введенный Указом Мэра города Москвы от 5 марта 2020 года № 12-УМ, действительно затруднявший активную коммуникацию адвоката Т. со следователем.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в ненадлежащем исполнении адвокатом Т. принятых на себя обязательств по представлению интересов доверителей П. и По. по гражданскому делу, Совет признаёт необоснованными доводы жалобы о том, что между адвокатом и доверителями первоначально была достигнута договоренность о заявлении гражданского иска в уголовном деле, поскольку п. 3.2 Договора предусматривалась оплата вознаграждения в размере 70 000 рублей именно за участие адвоката в гражданском судопроизводстве.

Совет также признаёт неконкретными доводы жалобы о том, что в отсутствии «достаточных, убедительных и надежных» доказательств адвокат Т. подготовил и направил иск в суд по почте, а «в самом тексте искового заявления доводы (основания заявленных требований) не раскрываются и логично не обосновываются, единственным письменным доказательством вины ответчиков является постановление о возбуждении уголовного дела (которое на момент подачи иска было уже прекращено)», что лишает возможности дать этим доводам какую-либо оценку.

В части доводов жалобы о том, что в исковом заявлении изначально указан «неверный ответчик в лице Правительства города М.», поскольку обязанность по содержанию дворовых территорий возложена на ГБУ «Жилищник Б. района», Совет считает необходимым отметить, что в представленном заявителями проекте искового заявления указано два ответчика - Правительство города М. и ГБУ «Жилищник Б. района». Из информации, размещенной на официальном сайте судов общей юрисдикции, также усматривается, что ответчиками по гражданскому делу № ... по иску П. и По. являются ГБУ города М. «Жилищник Б. района» и Правительство М. Следовательно, иск предъявлен, в том числе, и к тому ответчику, которого заявители жалобы считают надлежащим.

Совет также отмечает, что исковое заявление принято судом к производству, по нему состоялось несколько судебных заседаний, однако, как пояснил в ходе рассмотрения дисциплинарного производства заявитель П., каких-либо дополнений и уточнений в ходе рассмотрения судом гражданского дела им и По. не делалось.

При таких обстоятельствах доводы жалобы в указанной части Совет признаёт необоснованными.

Совет также считает необходимым разъяснить заявителям, что любые имущественные споры между доверителями и адвокатами (включая споры о возврате адвокатом доверителю уплаченного вознаграждения полностью или в части), дисциплинарным органам адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, как они определены Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, неподведомственны в связи с тем, что находятся за пределами их компетенции. Указанные споры подлежат разрешению судом в порядке гражданского судопроизводства.

С учетом изложенного доводы заявителей П. и По. о несогласии с представленным адвокатом Т. отчетом о проделанной работе, а, следовательно, о размере отработанного адвокатом вознаграждения, не могут быть рассмотрены в настоящем дисциплинарном производстве.

В части доводов жалобы о том, что адвокат Т. до настоящего времени не возвратил заявителям денежные средства, которые он и сам считает неотработанными, Совет отмечает, что заявители в ответ на соответствующую просьбу адвоката Т. не представили ему свои банковские реквизиты для перечисления денежных средств, чем затруднили возврат неотработанного вознаграждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Т. за допущенные нарушения, Совет принимает во внимание как их грубый и умышленный характер, так и то, что адвокат Т. нарушение допустил впервые. При таких обстоятельствах Совет считает возможным предоставить адвокату Т. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы решил применить к адвокату Т. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», исполнение адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями П. и По., выразившемся в том, что, получив от доверителя По. 10 и 18 января 2020 года в счет причитающегося ему вознаграждения по Договору об оказании юридической помощи от 10 января 2020 года № ... денежные средства в общей сумме 120 000 рублей, адвокат Т. не выдал доверителям П. и По. финансовый документ по проведению операций с их средствами (квитанция о приеме денежных средств, приходный кассовый ордер и т.п.) в порядке, установленном действующим законодательством;

- ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение адвокатом Т. профессиональных обязанностей перед доверителями П. и По., что выразилось в отсутствии с его стороны контроля за расследованием уголовного дела № ....., находящегося в производстве следственного отдела по Б. району следственного управления по ... ГСУ СК РФ по городу Москве, и намеренном неисполнении адвокатом Т. своих профессиональных обязанностей по обжалованию постановлений следователя от 20 июня 2020 года и 09 октября 2020 года о прекращении уголовного дела.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Т. по жалобе П. и По., вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.